

СТИХОТВОРЕНИЯ П. А. ВЯЗЕМСКОГО В РУССКИХ ШКОЛЬНЫХ ХРЕСТОМАТИЯХ XIX В. *

ТАТЬЯНА СТЕПАНИЦЕВА

Литератор П. А. Вяземский неоднократно говорил и писал о том, что его поэтический дар невелик, особенно в сравнении с другими современными поэтами. Однако его стихотворения попадают уже в самые ранние школьные хрестоматии — Золотова, Пенинского, Рклицкого, не говоря уже о позднейших хрестоматиях Галахова¹. Так как описание русских школьных книг XIX в. только начинается, нельзя делать заключения об «удельном весе» в них Вяземского в сравнении с другими авторами и, соответственно, о его месте в поэтической иерархии. Но предварительные наблюдения над жанровой и тематической спецификой «хрестоматийного Вяземского» мы вынесем на суд читателей.

Согласно составленной А. Вдовиным базе данных по русским школьным хрестоматиям XIX в. (см. Приложение 2 в настоящем издании) стихотворения Вяземского встречаются в них более сотни раз, всего в списке насчитывается пятьдесят названий. Большинство попадает в хрестоматии один-два раза, но есть несколько стихотворений, которые перепечатывались четыре-пять раз. Очевидно, что именно они будут наиболее значимы для формирования образа поэта в школьном каноне². При подсчетах нуж-

* Работа написана в рамках проекта “Vene kirjanduskaanoni kujunemine / Russian Literary Canon Formation” (грант Эстонского научного фонда ETF 8471).

¹ В самую раннюю из известных нам русских хрестоматий [Греч] включен отрывок из некролога Державину, написанного Вяземским в 1816 г.

² Хотя эпиграмма «К слезливому стихотворцу» неоднократно печаталась в хрестоматиях (см.: [Пенинский; Галахов 1843; Галахов 1853; Галахов 1859]), она исключена из поля рассмотрения, так как была атрибутирована И. И. Дмитриеву (см.: [Балакин, Велижев: 124]). Ложная атрибуция восходит к сборнику М. Л. Яковлева «Опыт русской анфологии» (1828). Хотя И. И. Дмитриев не замедлил отвергнуть авторство (см.: «Московский Телеграф», № 20 за 1828 г.), в школьных книгах эта эпиграмма приписана ему. Описанный сюжет некоторым

но учесть, что поэтическая работа Вяземского и составление хрестоматий шли одновременно, поэтому выборки конца 1830-х или 40-х гг. не могут быть прямо сопоставлены с позднейшими, тем более, с вышедшими после смерти автора — авторский корпус за это время заметно изменился. Однако мы попробуем оценить соотношение ранних и поздних текстов Вяземского в книгах для чтения, описав — с большей или меньшей подробностью — несколько его стихотворений, встречающихся в школьных хрестоматиях чаще прочих. Одной из задач статьи будет интерпретация такого выбора составителей.

У каждого писателя с «именем» или, иначе говоря, со сложившейся репутацией есть одно или несколько произведений, считаемых наиболее характерными для его авторской манеры (их названия входят в перифрастические обороты вроде «автор того-то» или «сочинитель сего-то»). Они характеризуют облик автора в массовом сознании, являются частью его образа в национальном литературном каноне. Определение таких авторских «визитных карточек» происходит под воздействием многообразных и далеко не всегда ясных факторов. Можно предположить, что значительную роль в нем будет играть вхождение в школьный литературный канон. При этом верно и обратное: что в хрестоматийную выборку будут чаще попадать тексты, уже репрезентативные с точки зрения традиции, т. е. представляющие авторскую поэтику в ее важнейших (для составителя, для школьной программы, для актуальной культуры) чертах. Такая «двунаправленность» литературной канонизации, на наш взгляд, будет особенно проявлена в России в эпоху, когда складывается государственная система школьного образования, формируется школьный литературный канон и, в то же время, когда определяются контуры литературной истории, в частности — «золотого века». Включенность во все эти процессы П. А. Вяземского (в разном качестве: автора из школьной хрестоматии, с одной стороны; высокопоставленного чиновника Министерства народного просвещения — с другой; активно выступающего в печати мемуариста и историка литературы — с третьей) делает его случай особенно привлекательным для исследователя.

Литературное амплуа Вяземского и его писательская репутация складывались в 1810-е гг. Известность ему принесли разнообразные стихи «на случай», преимущественно сатирические или связанные с литературу-

образом проясняет источники и ход составления ранних школьных хрестоматий. Кроме того, он интересен с точки зрения «канонических ошибок атрибуции» (устойчивого приписывания произведения другому автору).

ными полемиками, и эпиграммы. Он неизменно отмечал в себе способность вдохновляться актуальными событиями, как литературными, так и политическими, а свою поэтическую «реактивность» уподоблял чуткости термометра или барометра³. Но, кроме стихов на злобу дня, молодой поэт прославился описательными стихотворениями («Вечер на Волге», «Утро на Волге»), дружескими посланиями, стихотворениями с сильными политическими импликациями «Негодование» и «Петербург», а также элегией «Первый снег». Сам поэт не отдавал ясного предпочтения какому-либо из опробованных им жанров или тем. Об этом свидетельствует как сохраненный в позднейшие десятилетия жанровый диапазон, так и признания в письмах и записных книжках. Например, в 1876 г., сообщая в письме Е. Д. Милютиной свою «литературную исповедь», Вяземский отказался представить свой литературный портрет:

Вы хотите, чтобы я написал и свой портрет во весь рост. То-то и беда, что у меня нет своего роста. Я создан как-то поштучно, и вся жизнь моя шла отрывочно. Мне не отыскать себя в этих обрубках <...> Чем богат, тем и рад. Фасы моей от меня не требуйте. Бог фасы мне не дал, а дал лишь только несколько профилей [Вяземский: X, 290].

Таким образом, обилие жанров и, соответственно, широта сюжетно-тематического репертуара были Вяземским осмыслены и восприняты как одна из основных характеристик литературского амплуа. Отразилось ли это жанровое разнообразие в школьных хрестоматиях? какие жанры оказались востребованы русским школьным каноном?

В целом картина получается вполне разнообразной. Стихотворения почти во всех характерных для раннего Вяземского жанрах попадают в соответствующие разделы школьных хрестоматий. Конкурирующими факторами отбора внутри жанра были содержание (тема, сюжет) и стиль. Хотя официальных руководств по составлению хрестоматий во второй трети XIX в. еще не существовало, авторы опирались на принцип, до сих пор неотменимо действующий при составлении списков школьного лектюра: обязательное сочетание литературного, художественного достоинства с пользой для нравственности учащихся, высоким этическим значением. Отсутствие механизмов регулирования позволяло авторам хрестоматии выбирать наибо-

³ См. одно из таких сравнений в записных книжках: «Я термометр: каждая суровость воздуха действует на меня непосредственно и скоропостижно <...> Я сравниваю себя с термометром, который не дает ни холода, ни тепла, но живее и скорее всего чувствует перемены в атмосфере и умеет показывать верно ее изменения» [Записные книжки: 344–345].

лее существенный, с их точки зрения, критерий из этих двух, в тогдашней терминологии — «язык, слог» или «нравственные идеи»⁴.

Так, из «надписей к портретам» чаще всего попадает в школьные собрания «Надпись к портрету Александра I» (в [Вяземский: III, 45] — под заглавием «Надпись над бюстом Императора Александра I-го»). Впервые она была включена во вторую часть «Русской стихотворной хрестоматии» В. А. Золотова (Москва, 1829 [Золотов]), затем напечатана в «Российской хрестоматии» И. Пенинского (1834 [Пенинский]) и в «Русской хрестоматии, или избранных местах из лучших российских авторов» В. Рклицко-го (Кн. 2 — Варшава, 1839 [Рклицкий]). В 1843 г. А. Д. Галахов поместил «надпись к портрету Александра I» в «Полную русскую хрестоматию» [Галахов 1843], позднее текст много раз включался в переиздания — что, конечно, способствовало закреплению его в школьном каноне в гораздо большей степени, нежели варшавская публикация. Школьная канонизация подтверждала статус этого короткого стихотворения в культурной памяти.

«Надпись» Вяземского была опубликована впервые в отдельной брошюре «Описание праздника, данного в Москве в мае 1814 г. по случаю взятия Парижа 19 (31) марта 1814 г.». Она выглядит своего рода конспектом прославленного послания Жуковского «Императору Александру» (о генетической связи разножанровых текстов не приходится говорить еще и потому, что послание было написано в середине ноября 1814 г., когда надпись уже вышла в печати⁵). Вдовствующая императрица тогда пожаловала поэту бриллиантовый перстень в знак признания, а Ю. А. Нелединский-Мелецкий советовал продолжить поэтические занятия в столь перспективном направлении: «Настраивайте лиру вашу; поприще славы открыто вновь героям нашим и певцам их подвигов» (цит. по: [Бондаренко: 84]). В июне, насколько можно судить по доступным нам материалам, Вяземский решил вернуться на службу; ср. обещание в письме А. И. Тургеневу: «Скоро, скоро думаю тебя обнять: приеду в сентябре в Петербург и ста-

⁴ Заметим, что различие составительских установок не всегда проявляется в выборе произведений.

⁵ Не ставя вопроса о влиянии на послание Жуковского надписи Вяземского, укажем на пассаж в послании:

И ты средь плесков сих — не гордый победитель,
Но воли промысла смиренный совершитель —
Шел тихий ... [Жуковский: 372],

который можно соотнести со строками:

Муж твердый в бедствиях и скромный победитель.
< ... >

Вселенная! Пади пред ним, он твой спаситель [Вяземский: III, 45].

ну стучаться у дверей министров. Хочу служить и служить усердно» [Остафьевский архив: I, 24–25]. Не переоценивая чуткости Вяземского к намекам Нелединского-Мелецкого, осмелимся предположить, что решение «служить усердно» было в какой-то степени связано с высочайшим признанием патриотической надписи, ставшей дебютом Вяземского в роли «певца русской славы». Официальное признание «надписи», возможно, стало одним из факторов, повлиявших на позднейшее включение текста в школьный поэтический канон.

Авторская оценка миниатюрного дифирамба царю-победителю дана — с поправкой на жанровые конвенции — в послании Вяземского 1815 г. «К друзьям» («Гонители моей невинной лени...»). В первых строках поэт, как предписывали законы жанра, отказывался принять похвалы друзей, чересчур лестные для его дарования, принижал свои поэтические успехи, чтобы в следующих строках поставить свое миниатюрное творение выше торжественных од:

Иль, смелою рукой младую лиру строя,
 Быть может, с похвалой воспел царя-героя!
 И, скромность в сторону, шепну на всякий страх —
Быть может, боле я и в четырех стихах
Сказал о нем, чем сонм лже-Пиндаров надутых
В громадах пресловутых
Их од торжественных, где торжествует вздор!
 И мать счастливая увенчанного сына
 (Награда лестная! завидная судьбина!)
 Приветливый на них остановила взор [Вяземский 1986: 72].

После этой скромной похвалы следует новый риторический отказ от «славы». Автор заявляет, что «порядочный стих» может быть не более, чем случайной находкой, на которую способен и *Гашипар* (сатирическое прозвище А. А. Шаховского). Но в предшествующих стихах Вяземский ставил себя рядом с В. Г. Рубаном, сочинившим «Надпись к камню, назначенному для подножия статуи Петра Великого» («Колосс Родосский, свой смири прегордый вид...», 1770)⁶:

Я праведно бы мог гордиться в упоенье;
 Но, строгий для других, иль буду к одному

⁶ В «Российской хрестоматии» Пенинского «Надпись к камню» («Колосс Родосский, свой смири прегордый вид...», 1770) непосредственно предшествует миниатюре Вяземского (см.: [Пенинский: II, 360]). Не рискуя оценивать преднамеренность подобного соседства в хрестоматии, укажем на широкую известность надписи Рубана, в частности, отразившейся в пушкинском «Памятнике».

Я снисходителен себе, на смех уму?
 Нет, нет! *Опасное отвергнув обольщение,*
Удачу не сочту за несомненный дар;
 И Рубан при одном стихе вошел в храм славы!
 И в наши, может, дни (чем не шутил лукавый?)
 Порядочным стихом промолвится Гашпар [Вяземский 1986: 72].

Таким образом, возгласив превосходство надписи к портрету Александра над «вздорными» торжественными одами, исходящими из лагеря литературных «староверов», Вяземский тут же подверг сомнению свою поэтическую удачу, как требовало дружеское послание той эпохи, отрекся от славы ради душевного покоя и обещал: «Чтоб более меня читали, я стану менее писать».

Отречение от погони за славой было обусловлено, прежде всего, жанровыми конвенциями. Однако от «царской» темы Вяземский в середине 1810-х гг. действительно отошел — вплоть до начала 1850-х, когда ее возобновление было обусловлено обращением к патриотической тематике в связи с началом Восточной войны. Но жанровый репертуар патриотической лирики Вяземского изменился: вместо стилистически рафинированной и лапидарной риторики начала 1810-х он предложил читателям куплеты, стилизованные под «простонародные» песни⁷.

В школьные хрестоматии поэтические отклики Вяземского на Крымскую войну не попали, что объясняется, по нашему мнению, их не вполне нормативной стилистикой; ср., напр., «Дунайские песни»: «Заспесивился Турченюк, / Он зафыркал, поднял нос, / Он ревет: Я не ребенок, / Я и сам уже подрост! // Речью громкой, речью резкой, / Ты, голубчик, порешь гиль! / Митрофанушка под феской, / Меж народами боббель!» [Вяземский: XI, 114]. Стилистика «рукопашных», по собственному авторскому определению, стихотворений оформилась под влиянием резких политических мнений Вяземского, ситуативно обусловленных и потому быстро потерявших актуальность⁸.

⁷ Некоторые наблюдения над «крымскими» стихотворениями будут представлены в нашей работе: П. А. Вяземский о Крымской войне: слишком долгая поэтическая память // *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia*. XIII [в печати].

⁸ Вяземский был уверен, что патриотическая риторика должна быть нацелена не на изысканную публику, а скорее на простой народ. Вспоминая в 1868 г. ростопчинские «афишки» 1812 года, он решительно отказал Карамзину в умении говорить с народом: если бы обращение к москвичам писал Карамзин, то они лишились бы «электрической, скажу, грубой, воспалительной силы, которая в это время именно возбуждала и потрясала народ. Русский народ — не Афиняне: он, вероятно, мало был бы чувствителен к плавной и звучной речи Демосфена и даже худо понял бы его» [Вяземский: VII, 194]. Для собственных патриотических

Из патриотической лирики позднего Вяземского в школьные книги вошло лишь одно стихотворение, косвенно связанное с «крымскими» текстами, и характерно, что лишь единожды и в локальную хрестоматию — это рифмованный некролог императору «Плач и утешение» (в собрании сочинений напечатано под заглавием «18 февраля. 17 апреля. 1855» [Вяземский: XI, 200]). В «Русской хрестоматии для употребления в училищах Прибалтийских губерний» в двух частях, составленной С. Шафрановым и И. Николичем и вышедшей первым изданием в 1860–1865 гг. [Шафранов, Николич], стихотворение Вяземского было напечатано полностью, несмотря на его внушительный объем (свыше пяти страниц в два столбца). Более этот тяжеловесный текст в школьных книгах не появлялся.

К числу же «хрестоматийных» стихотворений Вяземского, связанных с событиями 1814 года, следует, кроме надписи к портрету императора, добавить еще стихотворение «Русский пленник в стенах Парижа» (1815) и «Песнь на взятие Парижа» (1814).

Здесь можно было бы заключить, что Вяземский вошел в школьный литературный канон как певец победителя Наполеона, а не как автор песен в псевдонародной стилистике на Крымскую войну; что это свидетельствует об отнесении еще живого и активно пишущего (в 1840-е, 50-е и даже 60-е годы) поэта к литературному «прошлому»; и, наконец, истолковать как проявляющуюся тенденцию к «консервации» литературы в школе. Однако эти выводы будут преждевременными, если мы вспомним, что первые русские школьные хрестоматии — в соответствии с тогдашней практикой преподавания словесности — были организованы по жанровому принципу. Произведения выстраивались сообразно литературным родам и видам, представляя образцы реализации жанровых правил. При этом имена авторов могли быть не обозначены в оглавлении, как, например, в «Российской хрестоматии» И. Пенинского 1834 г., с которой началась школьная история «Надписи к портрету Александра I». Таким образом, в учебной книге стихотворения подключались, скорее, не к авторскому контексту, а к родовому и видовому, жанровому.

Одной из важнейших задач школьного курса словесности почиталось образование «слога», ученикам прививали навыки владения стилем. Галахов, один из основателей русского школьного книгоиздания, в предисловии к первой «Полной русской хрестоматии» (1843) заявил, что его книга

стихотворениях начала 1850-х Вяземский выбрал ростопчинскую стилистику, «грубую», но «воспламенительную».

не имеет целью представить литературные портреты, напротив — писатели его вовсе не занимают⁹:

Обязанность Хрестоматии — представить образцы *языка*. <...> Хрестоматии нет дела до устарелых или новых взглядов писателей, до их ложных или верных мнений: она отвергнет и правдивую мысль, дурно выраженную, примет и парадокс, выраженный изящно <...> Главнейшее назначение Хрестоматии — познакомиться с хорошим современным языком [Галахов 1843: II–III, XV; курсив автора].

Полемизируя с современной критикой, составитель хрестоматии ставил язык выше «содержания»:

... при быстром движении просвещения, характеризующем наш век, когда мы устремляем почти все внимание на содержание словесных произведений, не имея ни времени, ни охоты заботиться об отделке речи, мысли образцовых писателей ветшают быстрее языка. Прочтите, для проверки, критические разборы некоторых, *весьма известных* писателей наших, и скажите: что в них умерло, а что осталось? Умерло их содержание, остался язык [Там же: III; курсив автора].

Далее в предисловии Галахов признавал «родовой» принцип организации литературного материала в хрестоматиях наиболее соответствующим содержанию и композиции школьного курса словесности. Разумеется, русские хрестоматии эволюционировали — вслед за изменениями школьной программы, развитием методики, сменой методических установок. Сам А. Д. Галахов составлял хрестоматии на других основаниях (исторические). Но заявленный им в книге 1843 г. принцип может быть принят за объяснение, почему ранняя надпись Вяземского к портрету победителя Наполеона закрепилась в школьном каноне, а поздние песни во славу русского оружия — нет. Выбор был обусловлен не ретроспективной ориентацией составителей, а стилистическим несоответствием «крымских» песен задачам школьной хрестоматии и школьного курса словесности в целом¹⁰.

Интересно, что надпись «К портрету выпренного поэта» попала в хрестоматиях в иное жанровое окружение — к эпиграммам. При внешнем сходстве с «Надписью к портрету Александра I» этот текст обладает совершенно другой прагматикой. Напечатанная впервые в «Вестнике Евро-

⁹ В оглавлении этой хрестоматии имена авторов не указываются вовсе. В позднейших изданиях они уже есть.

¹⁰ Очевидно, не менее важно и то, что в национальной мифологии война 1812–1814 гг. и Крымская война обладали разным весом. Если миф о 12-м годе был одним из базовых для русского официального (и не только) патриотизма, то после Парижского мира оснований для мифотворчества не было. Память о Крымской войне была такого свойства, что закреплять ее в сознании подрастающего поколения было рискованно.

пы» в 1810 г. надпись к портрету поэта была полемическим выпадом против Бибриса-Боброва¹¹, причем исключительно резким. Вяземский опубликовал эпиграмму на покойника: Семен Бобров скончался 22 марта 1810 г., а эпиграмма вышла в июньском номере «Вестника Европы»¹².

В начале 1830-х гг., когда надпись к портрету Бибриса впервые попала в хрестоматию И. Пенинского [Пенинский], полемика «арзамасцев» с литературными «староверами» давно осталась в прошлом, а журнальные скандалы тех лет были забыты. Эпиграмма на Боброва, помещенная в жанровый раздел школьной хрестоматии, в окружении других эпиграмм, равным образом лишенных исторического фона и расположенных вне хронологии¹³, превращалась в эпиграмму не «на лицо», а «на порок».

Разумеется, мы не станем утверждать, что чтение эпиграммы Вяземского в школе было чтением исключительно ориентированным на иллюстрирование законов эпиграмматического жанра, эпиграмматического остроумия, без прояснения историко-полемического контекста. Для такого утверждения у нас попросту нет аргументов. Косвенные подтверждения тому, что адресация эпиграммы и стоявший за ней эпизод литературной войны начала XIX века могли быть предметом изучения, находятся в других хрестоматиях.

Так, в «Полной русской хрестоматии» (1861) А. Д. Галахова — предназначенной для старших учеников — эпиграммы расположены в порядке, в общем соответствующем хронологии, и по авторам (старшие, И. И. Дмитриев и В. Л. Пушкин, предшествуют Батюшкову, Вяземскому и Давыдову, однако закрывает раздел опять Дмитриев — своей эпитафией «Эпитафиям», 1803¹⁴). В составленной тем же автором «Исторической хрестоматии» (часть вторая, 1864), тоже рассчитанной на учеников старшей ступени, Вяземский представлен ранними эпиграммами «К портрету выспренного поэта», «Картузов другом просвещенья»¹⁵, посланием 1820 г. «К Каче-

¹¹ В собрании сочинений Вяземского полемический псевдоним раскрыт, эпиграмма имеет заглавие «К портрету Боброва» [Вяземский: III, 15].

¹² Вопрос, «[п]очему в «Вестнике Европы» смеялись над покойником», подробно разобрал О. А. Проскурин в книге «Литературные скандалы пушкинской эпохи» [Проскурин: 81–115].

¹³ Издатель хрестоматии, И. И. Пенинский, в предисловии сообщал, что в обеих частях хрестоматии (прозаической и поэтической) «статьи расположены по отделениям и родам, и наблюдаен везде, где только можно было, постепенный ход от легчайшего к труднейшему» [Пенинский: I, VIII].

¹⁴ В современном издании имеет заглавие «Эпитафия эпитафиям» [Дмитриев: 347].

¹⁵ В хрестоматии приведено без заглавия, в собрании сочинений — так же, кроме того, адресат прямо назван («Кутузов другом просвещенья...» [Вяземский: III, 268]). В первой публикации (1812 г., «Санкт-Петербургский вестник») стихотворение имело заглавие — «Друзья

новскому» и рядом поздних сатирических и полемических стихотворений («Что так шумите вы?», «По мне он просто скучный враль», «Нередко нам — кто же не слышал? — пеняли», «У страха глаза велики»). Эта книга для школьников делится не на жанровые или жанрово-тематические разделы, а составлена из расположенных в относительном хронологическом порядке авторских разделов. Выборка стихотворений Вяземского в этой хрестоматии, во многом совпадающая с выборкой жанровых хрестоматий, представляет именно автора в его характерном амплуа¹⁶. Эпиграммы и сатиры не иллюстрируют жанровые законы, а подтверждают репутацию поэта в представлении автора-составителя хрестоматии.

Для современников Вяземский был прежде всего поэтом-сатириком и литературным критиком. Именно эту особенность его отметил А. Д. Галахов в посвященном Вяземскому очерке из третьей части «Полной русской хрестоматии» 1853 г.:

Кн. Вяземский обладает двойным талантом: критическим и сатирическим. Поэтому и сочинения его относятся к критике и сатире. <...> Третий отдел его сочинений составляют стихотворения лирические, преимущественно в элегическом роде; но они слабее первых двух родов [Галахов 1853: III, 78].

Ср. также характеристику, которую дали Вяземскому в «Русской хрестоматии для употребления в училищах прибалтийских губерний» С. Шафранов и И. Николич:

Князь Вяземский старейший из живущих ныне поэтов, в своих лирических стихотворениях, по большей части сатирического направления, отличается благородным остроумием, своеобразною игривостью мысли, нередко горячим чувством и весьма удачным выражением отличной черты Русского характера — удалства. <...> Главнейшую же заслугу словесности оказал он своими критическими трудами. Он был долгое время неутомимым сотрудником многих журналов, словом и делом внушал обществу истинное понятие о важности ли-

нынешнего века»; сохранено в первом издании стихотворений Вяземского в серии «Библиотека поэта» [Вяземский 1958: 58].

¹⁶ В предисловии к «Исторической хрестоматии нового периода русской словесности» А. Д. Галахов декларировал именно такой принцип отбора авторских текстов: «Хрестоматия сообщает учащемуся тот необходимый и по возможности полный материал, без которого нельзя иметь определенного понятия ни о характере сочинений того или иного писателя, ни о сущности того или иного литературного направления <...>

Назначением книги определялся ее состав. Из сочинений какого-либо писателя вошли в нее наиболее характерные, которые отличают его, как особого деятеля в кругу других авторов и по которым он занял место в истории литературы. Эта характеристика, соответственно двум сторонам словесных произведений <...> должна указывать двойное их значение: историческое и литературное» [Галахов 1861: I, I–II].

ратуры, как представительницы успехов общежития, о высшем звании писателя [Шафранов, Николич: II, 314].

Составители, служившие в начале 1860-х гг. учителями, соответственно, Рижской и Митавской гимназий, в предисловии выражали признательность С. П. Шевыреву, на научные изыскания которого они, по их словам, преимущественно опирались при составлении систематического очерка истории российской словесности, помещенного в приложении к хрестоматии. Вероятнее всего, подразумеваются тут лекции по истории русской литературы, выходявшие из печати как раз на рубеже 1850–60-х гг. С. П. Шевырев, вообще в лекциях не уделивший много внимания современной литературе, и о Вяземском упомянувший несколько раз походя, все-таки отметил, что «Фонвизину посчастливилось более других писателей в истории русской словесности. Князь П. А. Вяземский посвятил ему классическую монографию, в которой обозрел век, жизнь и всю деятельность комика, литературную и гражданскую».

В хрестоматию Шафранова и Николича фрагменты из книги о Фонвизине не вошли, и вообще говорить о непосредственном воздействии мнения С. П. Шевырева о Вяземском на выбор составителей можно только предположительно. Мы приводим этот пример как подтверждение заметной «архаичности» авторского облика Вяземского. В школьных хрестоматиях 1830–40-х гг. [Пенинский; Рклицкий; Золотов] он был представлен прежде всего традиционными жанрами — эпиграммы, послания, надписи, описательная поэзия. Книга Шафранова и Николича была подготовлена в совсем иное время, в конце 1850-х гг., но ее составители следовали за С. П. Шевыревым в суждениях о литературе, и поэтому характеристики, данные ими Вяземскому, оказывались «архаичнее», чем подборка стихотворений¹⁷.

Представляя князя в «кратком очерке» преимущественно сатириком и литературным критиком, к паре уже традиционных для хрестоматий его текстов — эпиграмме «Крезу» и басне «Круговая порука», составители добавили новые, относительно недавно написанные стихотворения: это послание «Языкову» (1833; включено, видимо, прежде всего из соображений «местности»: «Я у тебя в гостях, Языков! <...> Я в Дерпте, павшем пред тобою!» [Вяземский: III, 180]), «На церковное строение» (1856) и «Плач и утешение» (1855). Их нельзя отнести к сатирическому роду, к литературной критике они также имеют мало отношения — и, значит,

¹⁷ Явление их в печатном виде — в «Истории русской словесности, по преимуществу древней» — Добролюбов назвал в своей рецензии «затхлым, гнилым, трупобразным явлением».

возникает разноречие между статьей о поэте и подборкой его сочинений. Шафранов и Николитч представляли Вяземского в устоявшемся с ранних лет амплу поэта-остроумца и литературного арбитра, при этом иллюстрировали свой очерк поздними сочинениями автора, окрашенными русофильством и аристократическим консерватизмом. Хрестоматия для учащихся Прибалтийских губерний, конечно, не была значительным культурным событием — в силу локальной ограниченности. Но она примечательна как пример сдвига в «школьном» облике поэта.

Наряду с «благородным остроумием» составители хрестоматии отметили и другое качество Вяземского — «весьма удачное выражение» «отличительной черты русского характера — удалства» [Шафранов, Николитч: II, 314]. Так как пособие было рассчитано на учащихся немецких гимназий и училищ, изучающих «риторику и пиитику» преимущественно на немецком языке, то составители намеревались поместить в нем «только статьи, имеющие литературно-изящное и обще-русское-народное (по возможности — художественно-народное) значение» [Там же: I]. Учитывая ориентацию составителей на, условно говоря, «шевыревскую» историю литературы, можно связать использованное ими понятие с концепцией С. С. Уварова, триадой «официальной народности»¹⁸ (предполагая, что связь здесь генетическая, оставим пока этот вопрос в стороне). Отбор авторских текстов был подчинен заявленной цели. В выборке из Вяземского стало меньше традиционных жанров (эпиграммы и сатиры), зато появились новые стихотворения, в которых обнаруживалось «обще-русское-народное значение».

Сходным образом меняется состав выборки в «Исторической хрестоматии» А. Д. Галахова, вышедшей в 1864 г. Наряду с традиционными эпиграммами и посланиями 1810–20-х гг. в нее включены полемические стихотворения недавнего времени (целящие как в литературных, так и в политических противников). А кроме того, в выборку вошли стихотворения в излюбленном Вяземским жанре «поэтических заметок», стихотворные фельетоны: «Станция», «Русские проселки» и «Немецкая природа». Таким образом, можно заключить, что на исходе 1850-х и в первой половине 1860-х гг. «хрестоматийный» облик Вяземского изменялся: большее значение получала русская тема, в нескольких вариантах — патриотическом, лирическом, бытописательном. Этот сдвиг происходил под воздействием

¹⁸ Заманчиво соотнести три стихотворения Вяземского, включенные в хрестоматию, с тремя «столпостенами» уваровской триады, соответственно, «Плач и утешение» — самодержавие, «На церковное строение» — православие, послание Языкову — народность. Но конструкция эта чисто спекулятивная и потому не имеет объяснительного значения.

разных факторов: изменений в школьном курсе словесности и в методике преподавания в целом, литературной моды и собственной эволюции автора, что значительно усложняет анализ и описание трансформации. Мы обратимся преимущественно к последним двум факторам.

Поздний Вяземский (а «поздним» его можно считать уже с конца 30-х годов) чем дальше, тем сильнее расходился с литературной «современностью». Карамзинизм, который он неуклонно исповедовал (в поэзии, как и в политике), бывший в начале века школой поэтической молодежи, уже в период своего оформления тяготел к консервации. Поэтому имя Карамзина, первоначально ассоциировавшееся с либерализмом (вплоть до подозрений в якобинстве), постепенно стало символом умеренности, а затем и верноподданнического консерватизма. Однако этот дрейф был замечен стороннему наблюдателю, для Вяземского же карамзинский авторитет оставался непререкаем. Попытки пересмотра его репутации князь воспринимал как покушение на основы бытия русского народа, которые, по его убеждению, были определены и утверждены в «Истории Государства Российского». Своей задачей, в том числе — в поэзии, Вяземский считал «защиту» Карамзина, его идей и установок от враждебных покушений. Эта защита становится непосредственной темой ряда стихотворений (прежде всего, поэтических «заметок»), а кроме того, влияет на поэтический репертуар Вяземского и косвенным образом. Так, в поздних стихах карамзинизм, ставший основой исторических и общественно-политических воззрений Вяземского, получает выражение в тематизации «русскости», подчеркнутым «русофильстве», патриотизме разгульного толка, напоминающем поэтический патриотизм Н. Языкова¹⁹.

Утверждать себя как поэта именно «русского» Вяземский начал еще в ранние годы. Так, 22 ноября 1819 г. он писал из Варшавы Ал. И. Тургеневу:

Русского поэта по физиономии не узнаешь. Вы все не довольно в этом убеждены, а я помню, раз и смеялись надо мною, когда называл себя отличительно русским поэтом, или стихомарателем; тут дело идет не о достоинстве, а о отпечатке, не о сладкоречивости, а о выговоре; не о стройности движений, а о нарядности некоторых замашек коренных [Остафьевский архив: I, 357].

Как видно по упоминанию давнего разговора, «русскость» Вяземского поэта не была очевидна даже для внимательных читателей. При цитированном выше письме он пересылал Тургеневу свою элегию «Первый

¹⁹ См об этом, в частности, нашу статью: «Русское пространство» в сборнике Вяземского «В дороге и дома» [Степанищева].

снег», в которой усматривал «русскую краску», «чего ни в каких почти стихах наших нет». Тургенев же, что характерно, этой «краски» не увидел:

Но почему же ты по этим стихам называешь себя преимущественно русским поэтом и находишь в нем русские краски? Эти стихи более других принадлежат блестящей поэзии французской: ты в них Делиль. Описание, манер — его, а не совершенно оригинальный [Остафьевский архив: I, 369–370]²⁰.

Это замечание вызвало бурный протест Вяземского, еще раз перечислившего, за что он называет себя «природным русским поэтом»:

Отчего ты думаешь, что я по первому снегу ехал за Делилем? Где у него подобная картина? Я себя называю природным русским поэтом потому, что копаюсь все на своей земле. Более или менее ругаю, хвалю, описываю русское: русскую зиму, чухонский Петербург, петербургское Рождество¹ и пр., и пр.; вот что я пою <...> Вот, моя милуша, отчего я пойду в потомство с российским гербом на лбу, как вы, мои современники, ни французьте меня. Орловский — фламандской школы, но кто русее его в содержаниях картин? [Там же: 376–377].

Стихотворение, о котором идет речь в этой переписке, действительно принесло славу Вяземскому, однако не в качестве «природного русского поэта», а как автору эпитафии к первой главе «Евгения Онегина»²¹. Вяземский продолжит «копаться на своей земле», то есть разрабатывать «народную» (= национальную) тему в своих стихах и далее. Тема была для него определяющим критерием «народности», для себя Вяземский выбрал нижний регистр этой темы: юмористически- и сатирически-бытописательный. «Первый снег» был, скорее, исключением, более характерны для Вяземского «Станция», «Ухаб», «Зимние карикатуры».

²⁰ Примечательную параллель этому сюжету образует французский автоперевод «Негодования», значение которого интерпретировано в статье Ю. М. Лотмана и И. А. Паперно: «Сравнительное рассмотрение обоих текстов убеждает нас, что языком политического мышления Вяземского был французский и что, следовательно, перед нами как бы тройной перевод: сначала мысль поэта облекалась во французские термины, затем она трансформировалась в русский поэтический текст, а в дальнейшем подверглась переводу на язык французской прозы» [Лотман, Паперно: 131–132]. В «Первом снеге» Вяземский действительно не «ехал за Делилем», то есть не переводил, не подражал ему. Но эта элегия была гораздо лучше укоренена во французской поэтической традиции, чем в русской (где описательная поэзия была относительно редка). Так же и в «Негодовании»: это оригинальное русское стихотворение, являющееся опытом русского перевода европейской традиции политических деклараций в стихах, опытом «транспонирования» европейской жанрово-тематической модели на русскую почву.

Вяземский, как и многие, бранил Жуковского за обилие переводов, однако в своей поэтической практике оказывался к нему близок. Близость эта им самим отнюдь не осознавалась.

²¹ См. об этом специальную статью: [Соколова].

Репутацию поэта все-таки создавали преимущественно его литературно-полемиические выступления, эпиграммы и сатиры, или стихотворения политической направленности. Последние, в силу понятных причин, в школьные хрестоматии попасть не могли (известнейшее «Сравнение Петербурга с Москвой» вышло лишь в неподцензурной печати). Как мы показали выше, основу подборки Вяземского в ранних хрестоматиях составляли именно эпиграммы и сатиры, связанные с литературными полемиками. Стихотворения с «русской» темой появились в книгах для школьников не сразу и занимали в авторской подборке менее значимое место. «Первый снег» попал лишь в одну из известных нам хрестоматий — «Русскую хрестоматию с примечаниями. Для высших классов средних учебных заведений», составленную А. Филоновым и вышедшую в 1863 г. В хрестоматиях Пенинского и Рклицкого был напечатан «Вечер на Волге», который в позднейших школьных книгах не встречается. Дважды входило в состав хрестоматий стихотворение «Русские проселки» (1841) — в «Исторической хрестоматии» Галахова (1864) и в «Образцах новой русской словесности», собранных А. А. Цветковым (1881).

Чаще других в авторской выборке появлялась «Масляница на чужой стороне» (1853): «Русская лира: хрестоматия, составленная из произведений новейших русских поэтов» (1860), «Книга для чтения и практических упражнений в русском языке» Паульсона (1861), «Русская хрестоматия с примечаниями» Филонова (1863), «Сборник статей из образцовых произведений литературы» Невзорова (1879), «Образцы новой русской словесности» Цветкова (1881), «Русская хрестоматия для приготовительных классов средних учебных заведений» Савенко (1887), «Русская хрестоматия» Нигголя (Дерпт, 1883). Заметим, что Галахов именно «Масляницу» ни разу в свои хрестоматии не включал; из «русских» стихов Вяземского он выбрал для публикации (по одному разу) «Русские проселки» и «Станцию», и один раз — «русифильское» стихотворение «Немецкая природа». Как видно из приведенного перечня, «Масляница» стала «хрестоматийным» стихотворением спустя довольно долгое время после создания и публикации. Обратимся к истолкованию столь явного, сколь и запоздалого предпочтения, отдаваемого именно этому стихотворению в школьных хрестоматиях XIX в.

Во многих «русских» (сюжетно и/или тематически) стихотворениях Вяземского присутствует зимняя тема, важная для национальной мифологии, в которой Россия ассоциирована с Севером и, соответственно, с зимой. Хотя «зимний» сюжетно-тематический комплекс закладывается уже в поэзии XVIII века, именно стихотворения Вяземского означали лириче-

ский расцвет «русской зимы»: кроме названной уже «Масляницы», см. цикл «Зимние карикатуры (Отрывки из журнала зимней поездки в степных губерниях, 1828)»: «Русская луна», «Кибитка», «Метель», «Ухабы. Обозы»; «Дорожная дума» (<1830>), «Еще дорожная дума» (1841), «Зима» (1848), «Ночью выпал снег. Здорово ль...» (1855), «Царскосельский сад зимою» (1861) и др. В одноименной элегии Вяземский первым изобразил «первый снег», который вслед за ним воспевали Е. Ростопчина (1846), И. С. Тургенев (1847) и А. Н. Апухтин (1854)²². В начале 1850-х годов Вяземский начинает разрабатывать новый вариант «зимнего» сюжета. Открытие его пришлось на время долгого заграничного путешествия, когда поэт проводил зиму в Европе. Впечатления, подкрепленные растущим патриотическим настроением (которое получит крайнее выражение в «Письмах русского ветерана двенадцатого года»), и обусловили появление нового, особенно патриотичного «зимнего» сюжета: неожиданный приход настоящей, то есть русской, зимы как знак «присвоения» европейского пространства. Этот сюжетный вариант Вяземский использовал неоднократно, не только в «Маслянице», более ранней, но и в послании «Марии Максимилиановне, принцессе Баденской» (1864), и в стихотворении «Федору Ивановичу Тютчеву» того же года.

Из названных стихотворений «Масляница» — наиболее известное, в частности, благодаря перепечаткам. Оно было закончено в Дрездене 20 февраля 1853 года и в том же году появилось в журнале «Отечественные Записки» (№ 5–6). В 1854 г. стихотворение было включено в третий номер «Раута», и вдобавок перепечатано в «Москвитянине» (по неавторизованному списку с разночтениями). В 1859 году «Масляница» была напечатана в сборнике «За границую. Корректурные листы» (Карлсруэ) и, наконец, в 1862 году вошла в первый поэтический сборник Вяземского — «В дороге и дома».

Появлению этого сборника предшествовали юбилейные торжества — по случаю 50-летия литературной деятельности Вяземского. Празднование не было своевременным: полвека поэтическому дебюту Вяземского исполнилось еще в 1858 году²³. 2 марта 1861 года юбиляру был дан обед в Академии, а в начале мая 1861 года состоялось публичное заседание Общества любителей российской словесности при Московском университете, орга-

²² Отмечено в книге Otto Boele "The North in Russian Literature" [Boele: 97].

²³ Как сообщается в печатном описании юбилейных торжеств, Академия была вынуждена отложить их, так как «расстроенное здоровье» Вяземского «удерживало его за границую», а по возвращении в Россию последующие два года «не оказались вполне удобными для празднования юбилея, по некоторым семейным обстоятельствам академика» [Юбилей: 6].

низованное М. П. Погодиным (Вяземский был давним членом Общества, а с Погодиным его связывали давнишние журнально-приятельские отношения). Празднование юбилея вызвало шумную реакцию в прогрессивной периодике, что входило в замысел организаторов: юбилей последнего поэта «разрозненной плеяды» должен был стать ответом на «воскрешение» Белинского после долгих лет забвения. Демонстративный характер юбилейных мероприятий был очевиден и для организаторов, и для самого юбиляра. Во время обеда Погодин произнес речь, в которой отметил предвзятость «современной критики, или рецензии» к Вяземскому, которого она трактует как поэта «искусства для искусства», а также призвал критиков иногда позволить литераторам удаляться «из анатомических театров» «выражаясь классически, на лоно природы, dahin, dahin» [Юбилей: 24–28]. Ср. также сообщение в письме Погодина от 24 апреля 1861 года о еще готовящейся к публикации статье М. Н. Лонгинова, посвященной жизни и творчеству Вяземского:

Написана статья, большая, подробная и сильная против петербургских мародеров, с обзорением всей вашей литературной деятельности. В четверг я увижу ее. Мы сделаем публичное заседание в Обществе любителей российской словесности и прочтем ее торжественно, если она окажется удовлетворительною. Надеюсь, что некоторые из молодых литераторов, почестнее, подадут свой голос. Но что же петербургские, вызванные, молчат? Например, Майков, Гончаров [Письма: 71–72].

Статья, вопреки надеждам, оказалась не сильна. Поэтому Лонгинов на публичном заседании первой части не читал, ограничился вступлением, зато во второй, в обзоре творчества Вяземского, прочитал несколько стихотворений, по уверению М. П. Погодина в письме к автору, они «все были покрыты рукоплесканиями: “Первый снег”, “Волга”, “Палестина” и “Послание к Северину”» [Там же: 72–73]. На заседании присутствовали студенты, от которых Погодин опасался выступлений во время чтения последнего стихотворения, в котором был упомянут Белинский. Опасения не оправдались, и Погодин надеялся публикацией юбилейных материалов в периодике довершить успех юбилейной кампании.

Подготовку и издание «В дороге и дома», первого и единственного прижизненного сборника Вяземского, видимо, можно рассматривать в том же ряду — как своего рода поэтический ответ «наследникам Белинского». Книга стихов не обрела признания у публики (и опять заслужила уничижительную критику из лагеря «революционных демократов»), однако, вместе с юбилеем, послужила актуализации Вяземского-поэта в его новой ипо-

стаси — русофила и защитника национальных основ. Именно после юбилея и выхода «В дороге и дома» начинается тиражирование «Масляницы» в школьных хрестоматиях.

Наряду с ней появляются там и другие относительно новые стихотворения позднего Вяземского: «Нередко нам — кто ж не слышал...», «Святая Русь», «На церковное строение», «Сельская церковь», «Что так шумите вы?..», «Смерть жатву жизни косит...», «Слово примирения» и др. И если в хрестоматиях Галахова новые стихотворения встают рядом с ранними эпиграммами и посланиями Вяземского, то в хрестоматии Цветкова (1881) Вяземский уже представлен почти исключительно стихотворениями патриотической и благочестивой направленности²⁴, сатирическую ипостась автора представляет один текст — «У страха глаза велики».

В третьей четверти XIX в. хрестоматийный облик поэта-сатирика изменяется под воздействием актуальных литературных полемик. Изящный остро слов и эпиграмматист постепенно уступает место защитнику устоев, блюстителю общественной нравственности, хранителю литературных законов. Это именно тот облик Вяземского, который был представлен публике в юбилейных публикациях. Составителями хрестоматий они были учтены и использованы. Прежде всего среди следует назвать А. Д. Галахова, чьи хрестоматии были самыми многотиражными (и потому наиболее влиятельными). В 8-м издании «Полной русской хрестоматии» пояснительный очерк о писателе содержит фрагменты речей, произнесенных на торжественном вечере в честь Вяземского в 1850 г. (самого поэта и Н. Ф. Павлова)²⁵. В 11-м издании «Русской хрестоматии» (1866) он поместил в разделе «Светское красноречие» ответную речь Вяземского на праздновании 50-летия его литературной деятельности [Галахов 1866: I, 380–382]. В книге «История русской словесности, древней и новой. Т. II (История новой словесности от Карамзина до Пушкина)» были вновь процитированы речи с юбилея [Галахов 1875: 369]. Основные идеи юбилейной презентации также отразились и в собственном очерке Галахова:

²⁴ Выборка полностью: «Масляница на чужой стороне», «Метель», «Молитва», «На церковное строение», «Русские проселки», «Святая Русь», «Священны, о Москва, преданья...», «Сельская церковь», «Степью», «У страха глаза велики».

²⁵ Тогда в Москве чествовали возвращение поэта из путешествия по Востоку, откуда он привез ряд новых стихотворений, «паломнических» по теме и сюжету (позднее они вошли в раздел «Восток» сборника «В дороге и дома»). Уже тогда Вяземский предстал как наследник и хранитель истинных литературных ценностей, противостоящий современному хаосу безначалия (см. публикацию материалов об этом литературном обеде в: [Москвитянин]).

Становиться на стороне Карамзина, Жуковского и Пушкина значило становиться на стороне выдающихся талантов и проводимого ими литературного движения вперед. Такой выбор в малой мере обнаруживает в избирателе инстинктивное чувство лучшего, более живого и свежего, более отвечающего движению времени. Высшая же мера определяется сознанием законности выбора и трудами на пользу выбранного предмета. Тогда деятель становится сам почти членом той школы, которая предназначила себе целью улучшение языка и обновление и расширение поэзии. В этом-то содействии прогрессивному литературному движению и состоит заслуга князя Вяземского [Галахов 1875: 369].

Галахов подчеркивал здесь принадлежность Вяземского к «плеяде», к самому избранному кругу русских поэтов, что было, конечно, вызовом литературной современности, отказывавшей ему не только в такой принадлежности, но и вообще в праве причислять себя к поэтам.

Вернемся к вопросу, поставленному выше — почему из поздних стихотворений Вяземского в хрестоматиях чаще встречаются не патетическая «Святая Русь», не религиозные стихотворения начала 1850-х и не «поэтические поминки» по другим литераторам, которые так хорошо подошли бы «для повторения» Пушкина, Гоголя и др. — а легкомысленная, почти олеографическая «Масляница на чужой стороне».

С одной стороны, это стихотворение действительно оказалось поэтической удачей автора. Стареющий Вяземский часто склонялся к многословию, в ряде его текстов заметна инерционность. «Масляница» среди поздних стихотворений, даже в составе сборника 1862 года, включавшего избранные, лучшие тексты, глядит наособицу. По замечанию К. А. Кумпан, «огромное количество списков, гектографических и литографированных изд-й, свидетельствуют о необычайно популярности “Масленицы” в различных слоях общества» [Вяземский 1986: 509]. С восторгом о стихотворении отзывались знакомцы и литераторы из ближнего окружения автора:

Князь Вяземский прислал из Дрездена прекрасные стихи *Масляница на чужой стороне*, но печатать нельзя, кое-что и много против немцев (П. А. Муханов — Погдину);

Вяземский из-за границы прислал превосходное стихотворение на немцев, за что ему большое спасибо (А. Ф. Бычков — Погдину);

Масленицу я уже имел, но так как два экземпляра лучше одного, то беру смелость не возвращать вам присланный мне гостинец. Не будь тут даже речи о *Вяземском* (пряник *однофамилец*), то все-таки всякий угадает имя автора (А. Я. Булгаков — Погдину);

Радуюсь, что удельные князья все по местам. Посылаю тебе два стихотворения князя Вяземского 8-го января и *Масленицу*. Напечатай оба. Первое уже напеча-

тала графиня Блудова особенно и рассылает в малом количестве экземпляров. *Масленицу* можно напечатать без имени. Все догадаются (С. П. Шевырев — Погдину);

Актом выздоровления его было чудное произведение его *Масленица на чужой стороне*, произведшее в России такое ободряющее и освежающее впечатление (цит. по: [Барсуков: 260–261]).

Эти высказывания исходили из круга, близкого автору, высокая оценка стихотворения может быть объяснена именно причастностью. Однако даже старинный недруг поэта, Ф. В. Булгарин, в «Северной пчеле» расхвалил стихотворение, назвав его образцом «народности в поэзии» — что вызвало подозрение у Вяземского («Это что-то не к добру: Булгарин в Север<ной> Пчеле 30 мая ужасно меня расхваливает» — отмечено в [Вяземский 1986: 509]).

Чуткий к литературной моде Булгарин, очевидно, смог сформулировать то, что отличало «Масляницу» — усиленный, почти рафинированный «руссицизм», которому до пародии не доставало незначительного сдвига. Это, во-вторых, делало «Масляницу» заметным, напрашивающимся на освоение, тиражирование и канонизацию текстом. Пародийный потенциал стихотворения раскрылся очень быстро. Сразу после выхода сборника «В дороге и дома» В. С. Курочкин опубликовал в «Искре» стихотворный фельетон «В гостях и дома», частью которого стала пародия на обсуждаемое стихотворение — «Снежок в Берлине показался...» [Пародия: 495]. Пародист в духе Белинского «пересказал» стихотворение (переведя четырехстопный хорей в четырехстопный ямб), выявляя при этом ключевые элементы исходного текста: «матушка-зима», «бабушка-мороз», «рьяное винцо» как объект национальной гордости, ксенофобия и необыкновенная легкость версификации в ущерб смыслу (рифмы вроде «мороз — паровоз» и т. п.). Таким образом, объект пародии — насыщенные штампами пошлые и бессодержательные вирши.

Резкость пародии понятна, она исходила из круга тех самых «наследников Белинского», с которыми автор «Масляницы» давно враждовал. Но почти те же элементы отмечены в сатире Евдокии Ростопчиной «Дом сумасшедших в Москве в 1858 году». Сатира была написана как продолжение (и подражание) воейковской сатиры и использовала те же приемы, в частности — иронического изображения литературных соратников. Вяземский у Ростопчиной причислен к «комиссии врачей», которые должны излечить обитателей литературного «дома сумасшедших». Однако в характеристике Вяземского собраны те же компоненты, что и у Курочкина:

он устарел, пережил себя («Славный некогда поэт»), в своих стихах он собрал самые расхожие представления о «русском»:

Все, что русской мощи любо:
 И зима, и самовар,
 Праздной масленицы шуба,
 Молодеческий разгар,
 Русский бог и путь наш санный —
 Все воспето было им [Ростопчина: 286–287].

Это схождение в оценке литературных противников и соратников, как нам представляется, чрезвычайно важно для определения «хрестоматийного потенциала» «Масляницы на чужой стороне».

В масляничном стихотворении Вяземского сочеталась ритмическая легкость с насыщенностью расхожими мотивами, наиболее востребованными литературной модой на «народность». Использованный Вяземским четырехстопный хорей, один из наиболее распространенных размеров, был генетически связан с песенным жанром, и у Вяземского эта песенная природа сохраняется: близость к народной песне поддержана тематически и лексически (*молодка, раскрасавица, батюшка-мороз, широкий пир, крещеный мир, душегрейка, розвальни* и т. п.). Кроме народной песни, такими же хорейми с той же перекрестной рифмовкой *жм* писались песни шуточные. Финальная часть «Масляницы» близка к такому жанру — за счет ассоциации противопоставления «*мы, богатыри — немцы-горемыки*» с известными сюжетами из репертуара национальных анекдотов. Здесь будет очень уместно привести фрагмент из «Воспоминаний» Булгарина (возможно, освещающий причины той похвалы, которой он удостоил «Масленицу»):

Вы, любезные мои читатели, без сомнения, не раз слышали шуточную поговорку: «Русскому здорово, немцу смерть!» Генерал фон Клуген уверял меня, что эта поговорка родилась на пражском штурме. Наши солдаты, разбив аптеку, уже объятую пламенем, вынесли на улицу бутыл, попробовали, что в ней находится, и стали распивать, похваливая: славное, славное винцо! В это время проходил мимо коновал нашей артиллерии родом из немцев. Думая, что солдаты пьют обыкновенную водку, коновал взял чарку, выпил душком — и тут же свалился, а через несколько времени и умер. Это был спирт!

Когда Суворову донесли об этом происшествии, он сказал: «Вольно же немцу тягаться с русскими! Русскому здорово, а немцу смерть!»

Эти слова составили поговорку. Повторил ли Суворов старое и забытое, или изобрел новую поговорку, за это не ручаюсь; но говорю что слышал.

Сюжетность хорейского стихотворения сближает его с балладами. Хотя самые известные баллады Жуковского, включающие наряду с любовным сюжетом мотив стремительной скачки («Людмила» и «Светлана») написаны другим размером, но уже признанная, включенная в канон их «русскость» позволяла подключить и этот поэтический фон. Добавим сюда еще календарные сюжетные привязки, усиливающие ассоциативную близость (языческие гадания на Крещение в «Светлане» и веселый, отчасти нетрезвый разгул в «Маслянице»).

Наконец, мотивная, образная, лексическая насыщенность масляничного стихотворения — именно она, по нашему мнению, сыграла решающую роль. Вяземский собрал в небольшом рифмованном тексте типовые персонажи (*добрый молодец, красна девица, добродетельная мать, мы-богатыри, стар и млад, крещеный мир*, наконец, собственно *матушка-зима* и *батюшка-мороз*), типовые сюжетные ходы и мотивы (*пир горой*, гулянья, зимние увеселения: *горы ледяные, бешеные тройки, песни, удаль* и т. п.), так что стихотворение превратилось в концентрат «народности» — в той ее сценически-живописной, оперной разновидности, которая определила господствующий стиль эпохи Александра III. «Масляница на чужой стороне» с этой точки зрения может быть противопоставлена элегии «Первый снег», характерным образом «не пригодившейся» в школьном литературном каноне. В «Первом снеге» французский поэт открывал русскую зиму. «Масляница» была вторжением *русского* (до пародийности) поэта в пространство европейской зимы. Хотя число перепечаток стихотворения в школьных хрестоматиях невелико (менее десятка), но текст этот настолько силен, что как бы заражает собой другие «зимние» стихотворения Вяземского, и не только их. Французская школа, французские корни его поэтического метода ретушируются, меняется представление о жанровом репертуаре автора: он смещается от традиционных жанров, восходящих к классической школе (эпиграммы, сатиры), в сторону условных, более свободных форм с «народными» истоками (песня, молитва). Благодаря школьным хрестоматиям П. А. Вяземскому все-таки удалось «пойти в потомство с российским гербом на лбу».

ЛИТЕРАТУРА

Источники

Вяземский: *Вяземский П. А.* Собрание сочинений: В 12 т. СПб., 1879–1898.

Вяземский 1958: *Вяземский П. А.* Стихотворения. Л., 1958.

Вяземский 1986: *Вяземский П. А.* Стихотворения. Л., 1986.

Дмитриев: *Дмитриев И. И.* Полное собрание стихотворений. Л., 1967.

Жуковский: *Жуковский В. А.* Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. I: Стихотворения 1797–1814 годов. М., 1999.

Записные книжки: *Вяземский П. А.* Записные книжки (1813–1848) / Изд. подгот. В. С. Нечаева. Л., 1968.

Остафьевский архив: Остафьевский архив кн. Вяземских. Т. I–II. СПб., 1899–1901.

Пародия: Русская стихотворная пародия. Л., 1960.

Письма: Письма М. П. Погодина, С. П. Шевырева и М. А. Максимовича князю П. А. Вяземскому 1825–1874 годов (из Остафьевского архива) / Изданы с предисл. и примеч. Н. Барсукова. СПб., 1901.

Ростопчина: *Ростопчина Е.* Стихотворения. Проза. Письма. М., 1986.

Юбилей: Юбилей пятидесятилетней литературной деятельности академика князя Петра Андреевича Вяземского. СПб.: Типография имп. Академии наук, 1861.

Галахов 1843: *Галахов А. Д.* Полная русская хрестоматия. В 2 ч. СПб., 1843.

Галахов 1853: *Галахов А. Д.* Полная русская хрестоматия. Изд. 6-е. В 3 ч. СПб., 1853

Галахов 1859: *Галахов А. Д.* Полная русская хрестоматия. Изд. 8-е, с переменами. В 3 ч. СПб., 1859.

Галахов 1861: *Галахов А. Д.* Полная русская хрестоматия. Изд. 9-е, с переменами. В 2 ч. СПб., 1861.

Галахов 1866: *Галахов А. Д.* Русская хрестоматия: В 2 т. Изд. 11-е, испр. и доп. СПб., 1866.

Галахов 1875: История русской словесности древней и новой. Т. II: История новой словесности от Карамзина до Пушкина. СПб., 1875.

Греч: *Греч Н. И.* Учебная книга российской словесности, или Избранные места из русских сочинений и переводов в стихах и прозе. Ч. 1–4. 1819–1822.

Золотов: *Золотов В. А.* Русская стихотворная хрестоматия. Ч. 1–2. М., 1829.

Пенинский: *Пенинский И.* Российская хрестоматия, или Отборные сочинения отечественных писателей в прозе и стихах. Ч. I–II. СПб., 1833–1834.

Рклицкий: *Рклицкий В.* Русская хрестоматия, или Избранные места из лучших русских писателей. Изд. 2. Кн. 1–2. Варшава, 1838–1839.

Шафранов, Николич: *Шафранов С., Николич И.* Русская хрестоматия для употребления в училищах прибалтийских губерний. Ч. 1. Проза; Ч. 2. Поэзия. Ревель, 1860–1865.

Исследования

Барсуков: *Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1898. Кн. 12.

Балакин, Велижев: *Балакин А., Велижев М.* Новые стихотворения И. И. Дмитриева. I. «На кончину А. А. П...» // Новое литературное обозрение. 2007. № 86.

Бондаренко: *Бондаренко В.* Вяземский. М., 2004.

Лотман, Паперно: *Лотман Ю. М., Паперно И. А.* Вяземский — переводчик «Негодования» // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. 1975. Вып. 369. С. 126–135. (Труды по русской и славянской филологии. [Т.] 26: Литературоведение.)

Проскурин: *Проскурин О.* Литературные скандалы пушкинской эпохи. М., 2000. (= Материалы и исследования по истории русской культуры. Вып. 6)

Соколова: *Соколова К. И.* Элегия П. А. Вяземского «Первый снег» в творчестве Пушкина // Проблемы пушкиноведения. А., 1975. С. 67–86.

Степанищева: *Степанищева Т.* «Русское пространство» в сборнике Вяземского «В дороге и дома» // *Humaniora: Litterae Russicae.* Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение, VII. Тарту, 2009. С. 394–412.

Boele: *Boele, O.* The North in Russian Literature. 1996.